

Л.Б. Лихтерман

Национальный центр нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко Минздрава России, г. Москва, Россия

ЛИЧНОСТЬ ДОКТОРА

Как часто, характеризуя человека, мы используем слово «личность». «Это личность!» – воспринимается как высшая оценка деятеля любого масштаба и ранга, знакомого или незнакомого.

А что вкладывается в понятие «личность»? Не задумываемся, но, нам кажется, понимаем.

Вот определение термина «личность» из Википедии. «Личность – совокупность выработанных привычек и предпочтений, психический настрой и тонус, социокультурный опыт и приобретенные знания, набор психофизических особенностей человека, определяющих повседневное поведение и связь с обществом»... и многое ещё всякое. Атрибуты личности – воля, разум, чувства. Ее устойчивые свойства – темперамент, характер, способности, мотивация.

Словом, весь человек. Но стал ли ясней от приложения этой научной расшифровки термин «личность» для нашей обыденной жизни?!

А что вкладывается в определение «личность врача»? Можно еще больше запутаться. Вместе с тем мы редко ошибаемся, отличая хорошего врача от плохого, личность от неличности.

Уважая научные определения личности, все-таки будем опираться на жизненные критерии. Врач – личность – это надежность и предсказуемость, ответственность и решительность, гиппократовская преданность принципам врачевания и пациентам. И, конечно, высокий профессионализм.

Полагаю, что сильнее обобщений нам помогут понять, кто есть личность в клинической медицине конкретные примеры, которыми восхищаешься и которым хочешь следовать.

Мне повезло – много десятилетий работы в Национальном центре нейрохирургии – сосредоточении личностей в медицине. И не только по крупности вкладов в науку и практику, но и по повседневному лечению больных и отношению с коллегами.

Один из признаков, что врач – личность, является противостояние в своей деятельности коммерческим соблазнам. Сила последних весьма значительна, особенно в переживаемый нами период коммерциализации медицины. У личности профессиональный долг врача всегда одержит верх над материальными выгодами. Речь идет,

разумеется, не о деяниях уголовно наказуемых, а о нравственных категориях.

Непременное качество личности врача – брать на себя ответственность за судьбу каждого из своих пациентов. Самостоятельность решений должна быть основана на состоятельности клинического уровня доктора. При этом недопустима «гордыня». Не только собственное внимание к больному, не только необходимые исследования и анализы, не только чтение литературы по определенной патологии, но и обсуждение каждого неясного наблюдения с коллегами, непременное использование консультаций специалистов, в том числе и по телемедицинским коммуникациям.

Накопив опыт, врач, если он личность, способен разрешать и сложные urgentные ситуации.

Я вспоминаю своего друга, талантливого нейрохирурга Сергея Фёдорова (1925-1995). Он был профессором из докторов. Сергей Николаевич никогда не имел стремления произвести впечатление на больного, но всегда производил – отличное качество истинной личности. Он сам себя нещадно эксплуатировал, впрочем, другие тоже этим не пренебрегали. К нему тянулись и больные, и коллеги; последние у него предметно учились. Сосредоточенный, немногословный, Сергей Фёдоров работал в операционной быстро: любые задержки его раздражали. Фёдоровский темп был легко объяснить: он считал, что чем быстрее сделана операция, тем лучше её перенесёт больной. Конечно, каждая, пусть самая удачная операция, доставалась ему нелегко. Он не показывал этого, но думал о прооперированном или больном и днём и ночью.

Вспоминается такой эпизод. Однажды мы с женой были приглашены в гости к Фёдоровым. Пришли в назначенный срок, но Серёжи еще не было дома. Не приехал он и через час, а когда, наконец, явился, был невесел и сказал только, что сделал очень сложную операцию. Застолье не клеилось. Серёжа и то и дело звонил в клинику, мрачнел и, уже провожая нас, сказал: «Так и не могу привыкнуть к смерти. Мне всё кажется, что я виноват».

Зимой 1962 г., когда в Институт нейрохирургии привезли погибающего от тяжёлой сочетанной черепно-мозговой травмы академика Льва Ландау, то лечащим врачом выбрали Сергея Фёдо-

рова. Консультантов и своих, и заграничных было много, а лечащий врач – один. Несколько месяцев Фёдоров жил в Институте, безотлучно находился у своего всемирно известного пациента. Всё, что решали консилиумы звёзд неврологии и нейрохирургии, выполнял лечащий врач, а много острое и острейшее вынужден был решать сам, беря на себя исключительную ответственность.

Академик Ландау выжил. Фёдоров стал героем очерков в газетах и книгах. О нём легко было писать – внешняя суровость, сложная профессия, талантливый врач с фронтовым анамнезом, мужественная личность и совершённое им чудо, вытащил Льва Давидовича из безнадёжного состояния...

Лучше иллюстрации врача как личности, чем Сергей Николаевич Фёдоров, мне, пожалуй, не найти. Он напрочь был лишён карьерных амбиций. Всего достиг своим трудом, незаурядными способностями, своими человеческими достоинствами, порядочностью, и, если хотите, принципиальностью. Он никогда не выдвигался сам – его выдвигали другие.

Помню, как ко мне обратилась секретарь Партбюро Института нейрохирургии: «Вы – друг Сергея Николаевича. Прошу Вас убедить его вступить в партию. Мы рекомендуем его на заведование нейроонкологической клиникой. Но при утверждении в Академии меднаук возникают сложности». Я пообещал переговорить с Серёжей, хотя знал, что это бесполезно. Так и вышло: «Лихтерман, иди ты подальше. Как будет – так будет, а вступать в партию ради должности я не стану».

Нейрохирург международного уровня, он оперировал на всех континентах. Сергей Николаевич, благодаря своим профессиональным и личностным качествам, воспитал три школы нейрохирургов: в Нижнем Новгороде, Алжире, Москве.

Когда Фёдорову было за 60, его настиг рак лёгкого. Свой диагноз и прогноз он знал. Перенёс радикальное вмешательство и вновь, преодолевая физическую слабость, встал к операционному столу. Понимая, что жизнь уходит, но принципами своими не поступался. Я был у него дома, когда внезапно наступила полная декомпенсация. «Лёня, прошу тебя – передай всем коллегам в Институте, чтобы не навещали меня. Я не хочу, чтобы меня видели в таком жалком состоянии. А умирать я приеду в Институт, тогда со всеми свижусь». И, действительно, вечером накануне смерти Серёжу с его согласия привезли в реанимацию *alma mater*. Он был мужественным и критичным к себе

до конца. Когда срочно начали налаживать «букет» капельниц, умирающий Фёдоров чётко сказал: «Бесполезно». К утру его не стало.

Говорят, незаменимых нет. Нет, если иметь в виду место, должность. Но Фёдоров, если иметь в виду его личность и как человека, и как врача – неповторим и незаменим.

Характерная, если не главная, черта, определяющая личность – целеустремленность. Обычно при этом предметом созидания являются общественно-значимые деяния.

Здесь для меня примером служит Александр Коновалов. Пытливый юноша из семьи невролога академика Николая Коновалова, он, конечно, должен был продолжить дело отца. Во избежание упреков в семейственности, отец вынужден был отдать его на обучение неврологии в Институт нейрохирургии. У Александра, наряду со светлой головой, были талантливые руки, и он здесь увидел их применение на пользу людям в хирургии мозговой патологии и, не изменяя, изменил неврологии, став через долгие упорные занятия нейрохирургом. Таким, о котором авторитетнейший специалист в этой дисциплине в США, профессор Майкл Апуццо сказал: «Я близко знаком с выдающимся нейрохирургом современности профессором Александром Коноваловым. То, чего он достиг в хирургии опухолей головного мозга – непостижимо. Коновалов неповторим».

Александр Коновалов автор многих операций на глубоких труднодоступных отделах мозга. Ему принадлежит уникальное хирургическое вмешательство по разделению краниопагов, сиамских близнецов, сросшихся головами. Спустя 25 лет, уже закончившие университет литовские девушки Вилия и Виталия благодарили за жизнь своего спасителя. Александр Николаевич мужественный и благородный человек. Никакой позы, никакой спеси, он полон сострадания к больным, особенно детям. Именно поэтому стремится от них дистанцироваться, чтобы эмоции не мешали решениям и действиям во время операции.

Но творя чудеса под микроскопом, Коновалов видел, как задыхается прославленный институт в старом корпусе, где тесно больным и тяжело работать персоналу. Он долго созрел, ища реальные пути радикального изменения ситуации. Его поддержали сверху, решив построить новый современный институт нейрохирургии на средства от коммунистических субботников. Однако, едва начавшись, масштабное строительство застыло. Все сразу рухнуло в 1991 году. Но он обя-

зан был поднять отечественную нейрохиргию на мировой уровень. Из возможностей оставались только авторитет врача, хлопчущего о пациентах, и обаяние личности.

Помню, когда я брал интервью у Евгения Максимова Примакова, он рассказал мне, как будучи главой Правительства России, помогал строить институт нейрохирургии, испытывая огромную симпатию к наивному и беззащитному Александру Коновалову. Только целеустремленная личность могла осуществить гражданский подвиг, построив в 90-е годы 14-этажный корпус, насыщенный медицинскими технологиями и по всем параметрам соответствующий современной мировой нейрохирургии. По существу, Коноваловым был создан новый институт!

Еще один пример целеустремленной деятельности в нейрохирургии – Федор Сербиненко (1928-2002). Золотая медаль. Диплом с отличием. Явные способности интеллектуальные и мануальные. И большие перспективы в оперативной нейрохирургии. Но Федор сознательно себя ограничивает и навсегда отстает от прямой хирургической деятельности. У него созрела доминанта – разработать принципиально новый метод лечения артерио-синусных соустьев. К их разобщению прибегали, идя к месту сосудистой патологии снаружи путем трепанации черепа – травматично, сложно, опасно и, главное, с плохими результатами хирургического вмешательства.

На первомайской демонстрации на Красной площади он увидел много раз виденное ранее: как легко подергиваниями за нитку управляют движениями воздушного шарика. Куда нитка – туда шарик. Пронзила мысль: вводить в сосуд маленький спавшийся баллончик и, управляя его движением с помощью тонкого катетера, направлять к «дырке» – месту, где под влиянием травмы стенки артерии образовалось отверстие, крадущее кровь у мозга. Там расправлять шарик, чтобы он как кирпичик разобщал артериальный и венозный кроветок. И таким образом восстанавливалась нормальная церебральная гемодинамика.

Идея захватила Сербиненко целиком. Начались эксперименты. Все композиции и конструкции он делал своими руками в маленькой домашней лаборатории.

Как истинный ученый-изобретатель, Федор не спешил. Лишь убедившись в эффективности и безопасности разработанного им артериального баллон-катетера и стабильности получаемых клинических результатов, Сербиненко позволил себе

выступать с докладами и писать статьи о принципиально новом методе – эндоваскулярной нейрохирургии. Его обстоятельная статья на эту тему в «Journal of Neurosurgery» (1974) закрепила приоритет Федора Сербиненко и вызвала сильнейший резонанс в нейрохирургическом мире.

Для ознакомления с русским методом в московский институт приезжают профессора из Франции, США, Германии, Италии, Польши, Венгрии...

Затем происходит «обычное»: практичный Запад быстро налаживает промышленный выпуск технологии Сербиненко. И уже мы покупаем у них наше изобретение.

Федор Андреевич открывает в alma mater первое в мире клиническое отделение эндоваскулярной микрохирургии. Наряду с выполнением лечебных задач, глубоко разрабатываются проблемы физиологии и патофизиологии мозговой гемодинамики, генеза сосудистой неврологической и нейропсихологической симптоматики и другие. По методу Ф.А. Сербиненко успешно оперируются тысячи больных с каротидно-кавернозными соустьями, мешотчатыми аневризмами, артерио-венозными и другими мальформациями головного и спинного мозга.

Дальнейшее методическое и техническое развитие эндоскопического способа привело к возможности суперселективной катетеризации мозговых артерий с просветом до 1 мм. Это открыло избирательную химиотерапию глиом, обескровливание богато васкуляризированных менингиом перед их радикальным удалением, прижизненную окраску опухолей и многое иное.

Конечно, вслед за баллоном появились и новые эндоваскулярные технологии – спирали, стенты, ангиопластика...

Природа наградила Федора Андреевича не только талантом изобретателя-исследователя, но дала ему и такое бесценное качество, как доброта к людям, особенно к больным и старым.

В 2005 году ведущий профессиональный журнал «Neurosurgery» в связи со столетием нейрохирургии как специальности опубликовал 14 портретов великих нейрохирургов мира. Среди них единственный наш соотечественник – Федор Сербиненко.

В комментариях к ранее опубликованной там же большой иллюстрированной статье про Федора Сербиненко, ведущие ученые мира подчеркивают, что его вклад в развитие нейрохирургии соразмерен с Нобелевской премией.

Я кратко рассказал о трех таких разных ученых, с которыми свела судьба в Московском институте нейрохирургии; их объединяют отличительные признаки творческих личностей. Отечество достойно отметило их труды: все они были заслуженными деятелями науки и лауреатами Государственных премий.

Чувствую, что соглашаясь со мной в оценке Сергея Федорова, Александра Коновалова и Федора Сербиненко как личностей, мне все-таки возражат: «Это великие люди, а может ли быть личностью обычный врач, медсестра, нянечка, лаборант?». Ответу: не только может, но часто и является именно личностью. Когда вижу, как вы-

полняют свой профессиональный долг труженики медицины, как их ждут больные и как преобразуются после их помощи и общения с ними, понимаю, что рядом со мной трудятся личности, скромные и очень необходимые.

Подчеркну, первая и, на мой взгляд, самая простая, верная и надежная примета «личности» - уважение окружающих, что важнее любых регалий.

Современная медицина, как бы она ни была технологизированна, все еще поле деятельности личностей, без которых нашим пациентам было бы много хуже!